

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТЧЕТЫ

1088^{-е} ЗАСЕДАНИЕ
5 ФЕВРАЛЯ 1964 ГОДА

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ
ГОД

НЬЮ-ЙОРК

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предварительная повестка дня (S/Agenda/1088)	1
Утверждение повестки дня	1
Индо-пакистанский вопрос:	
Письмо министра иностранных дел Пакистана от 16 января 1964 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/5517);	
Письмо постоянного представителя Индии от 24 января 1964 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/5522)	1

ПРИМЕЧАНИЕ

Документы, относящиеся к отчетам заседаний Совета Безопасности, публикуются в квартальных дополнениях к *Официальным отчетам*.

Условные обозначения документов Организации Объединенных Наций состоят из прописных букв и цифр. Когда такое обозначение встречается в тексте, оно служит указанием на соответствующий документ Организации Объединенных Наций.

ТЫСЯЧА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Среда, 5 февраля 1964 года, 15 час. 30 мин.

Нью-Йорк

Председатель: г-н Карлос Альфредо БЕРНАРДЕС (Бразилия)

Присутствуют представители следующих стран: Берега Слоновой Кости, Боливии, Бразилии, Китая, Марокко, Норвегии, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Франции, Чехословакии.

Предварительная повестка дня (S/Agenda/1088)

1. Утверждение повестки дня.
2. Индо-пакистанский вопрос:

Письмо министра иностранных дел Пакистана от 16 января 1964 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/5517);

Письмо постоянного представителя Индии от 24 января 1964 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/5522).

Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

Индо-пакистанский вопрос

Письмо министра иностранных дел Пакистана от 16 января 1964 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/5517);

Письмо постоянного представителя Индии от 24 января 1964 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/5522)

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): В соответствии с принятым на нашем последнем заседании решением я намерен, с согласия членов Совета, пригласить представителей Индии и Пакистана принять участие в обсуждении Советом этого вопроса.

По приглашению Председателя г-н М. Ч. Чагла (Индия) и г-н З. А. Бхутто (Пакистан) занимают места за столом Совета.

2. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Совет Безопасности продолжает обсуждать стоящий на его рассмотрении вопрос. Первым в моем списке ораторов на сегодняшнем дневном заседании стоит представитель Индии, которому я предоставляю слово.

3. Г-н ЧАГЛА (Индия) (*говорит по-английски*): Совет Безопасности является, вероятно, наиболее важным органом Организации Объединенных Наций. Все государства-члены имеют право обращаться к нему. Но они должны обращаться к нему с должным чувством ответственности. Совет не предназначен для того, чтобы служить платформой для пропаганды против какого-либо государства-члена. Он также не предназначен для создания напряженности в мире, в котором и без того более чем достаточно трудностей и проблем. Я намерен показать вам, что Пакистан совершенно неоправданно злоупотребил временем Совета. Обращение Пакистана в Совет является кульминационным пунктом кампании ненависти, неустанно проводимой им против Индии. Главный принцип его внешней политики заключается в том, чтобы выступать против Индии на всех фронтах. Как недавно заметила лондонская «Таймс», «основой внешней политики Пакистана во всех ее аспектах являются плохие отношения с Индией». Его обращение в Совет является чисто пропагандистским шагом. Он хочет использовать форум Совета Безопасности для ведения пропаганды против моего правительства и моей страны.

4. Вчера мы сидели за столом Совета и, терпеливо слушая заявление министра иностранных дел Пакистана, старались найти какое-то оправдание созыву настоящего заседания и выяснить, к чему может привести эта дискуссия. Должен признаться, что, заслушав заявление представителя Пакистана, моя делегация и мое правительство по-прежнему придерживаются мнения, что нет никаких причин для созыва Совета Безопасности, поскольку не возникло никакой новой ситуации, которая могла бы ухудшить существующие в Джамму и Кашмире условия. Обращение Пакистана в Совет звучит как нагромождение ужасов. Нам говорят, что

мусульманское большинство в Кашмире подвергается страшной опасности из-за попытки Индии осуществить так называемую интеграцию или аннексию Кашмира, что большие толпы мусульман устраивали демонстрации против Индии и в поддержку плебисцита, что в Кашмире начался «открытый бунт», что кашмирцы растоптаны железной пятой Индии и что там произойдет нечто ужасное, если не будут немедленно предприняты какие-то меры. Я докажу вам, что все это — плод живого воображения.

5. Пакистан делает вид, что он чрезвычайно заботится о мусульманах, живущих в Индии, а его министр иностранных дел заявляет, что сотни тысяч индийских мусульман были изгнаны в Восточный Пакистан. Когда Пакистан говорит о мусульманском меньшинстве, создается впечатление, что речь идет о нескольких тысячах или нескольких сотнях тысяч человек в большой стране, согнанных в какой-то отдаленный уголок и окруженных огромными массами индусов. Позвольте мне сообщить Совету, что эти мусульмане не являются меньшинством в обычном понимании этого слова. В Индии их насчитывается 50 миллионов. Индия является третьим по численности мусульманского населения государством мира после Индонезии и Пакистана. Они — дети индийской земли, индийцы по национальности, и они пользуются всеми правами граждан Индии. Для них открыто любое учреждение, и многие из них занимают высокие посты в государстве. Наша цивилизация — это синтез многих различных культур, и мусульмане внесли в нее один из наиболее значительных вкладов. Индия является светским государством с обществом, в котором все равны и имеют равные права и равные возможности и пользуются в равной степени защитой закона. У нас нет официальной религии. Индусы, мусульмане, христиане, буддисты, сикхи, парсы и другие пользуются полной свободой вероисповедания, а основные права по конституции гарантированы всем гражданам. У нас нет граждан первого или второго сорта. Перед законом все равны.

6. Многие наши разногласия с Пакистаном вызваны тем, что между нашей политикой и политикой Пакистана существует следующее главное различие. Мы строим наше государство на светлой основе, что означает, что в Индии нет какой-либо официальной религии и все имеют право изучать свою религию и отправлять свой культ без помех и препятствий со стороны государства, тогда как Пакистан является теократическим государством. Когда руководители Мусульманской лиги требовали раздела страны, их требование было основано на теории двух наций. По их утверждению, индусы и мусульмане представляют собой две разные нации, и каждая из них имеет право на свою собственную родину. Мы признаем Индию и Пакистан как две нации, но мы отвергли теорию двух наций, построенную на религиозной основе, и пытаем к ней отвлечение. Если индусы и мусульмане

представляют собой две разные нации, то из этого неизбежно следует, что 50 миллионов индийских мусульман являются иностранцами в своей собственной стране. Мы отказываемся признавать теорию, согласно которой религия может быть единственной основой национальности. Мы верим в многонациональное общество с разными общинами и разными языками, и, по нашему мнению, мир и добрая воля в мире зависят от того, добьется ли такое общество успеха. Я убежден, что это мнение будет с пониманием встречено многими африканскими странами, которые недавно стали независимыми. В большинстве из них население исповедует различные религии. То же самое относится ко многим странам Среднего Востока, и в самих Соединенных Штатах предпринимается смелая попытка слить воедино и интегрировать различные расовые группы.

7. Разве не странно, что в то время как Пакистан кричит до хрипоты, выступая в качестве самозванного защитника индийских мусульман, мусульманское общественное мнение в Индии всегда решительно поддерживало политику моего правительства? Позвольте мне с разрешения Председателя зачитать три выдержки из издаваемых в Индии мусульманских газет. Они выходят на языке урду, но у меня есть их перевод. Первая выдержка — из канпурской газеты «Сиасат-э-Джадид» от 16 января 1964 года — гласит:

«Пакистанские власти и журналисты проявляют показное сочувствие в отношении мусульманского меньшинства Индии и оплакивают его тяжелую участь в речах и статьях, даже не понимая, что мусульманам придется страдать из-за их словесной и газетной невосдержанности и провокаций. Индийские мусульмане... хотят откровенно заявить этим мнимым друзьям: ради бога, оставьте нас в покое».

В газете «Наи Дунья» от 21 января говорится:

«Пакистанские газеты, руководители и радио воспользовались кражей святого волоса, чтобы разжечь религиозные чувства большинства. Если бы газеты, радио и руководители Пакистана не вели бы себя столь безответственно, возбудители беспорядков в Кхулне и Джессоре никогда бы не осмелились посягнуть на жизнь и имущество индусов».

Эти два района находятся в Восточном Пакистане. Третья выдержка — из издающейся в Мадрасе газеты «Мусалман», которая писала 18 января:

«Беспорядки, начавшиеся в Кашмире вследствие кражи святого волоса, должны были быть локализованы, и следует только сожалеть, что пакистанские граждане необдуманно начали из-за этого беспорядки и подвергли репрессивным мерам не причастное к этому немусульманское меньшинство. Это при-

вело к столкновениям между индусами и мусульманами в Калькутте, в результате чего пришлось пострадать невинному мусульманскому меньшинству Калькутты».

8. Можно спросить: чего Пакистан хочет добиться своей антииндийской кампанией, кампанией грубых оскорблений и ненависти по отношению к Индии? Помогает ли это индийским мусульманам? Нужно ли индийским мусульманам обострение общинных страстей, разжигание фанатизма и нетерпимости, проповедь «джехада» — священной войны? Позвольте мне, между прочим, заметить, что священных войн нет, все войны — жестоки и убийственны, все они вызывают невыносимые страдания и несчастья. Нет, я не думаю, что Пакистан так прост, как кажется. Он хочет сеять раздор и волнения в Индии, он хочет, чтобы Индия была ослаблена в политическом и экономическом отношении, чтобы это дало ему возможность продолжать и дальше его незаконную оккупацию части территории, которая, в соответствии с международным правом, является такой же частью индийской территории, как Бомбей или Дели. Пакистан тем самым играет на руку китайцам, ослабляя внутреннее положение в Индии и подрывая ее оборонительные мероприятия в отношении Китая. От имени моего правительства я хочу заявить, что ничто, повторяю, ничто не заставит любое правительство Индии, независимо от его партийной принадлежности, подписать смертный приговор делу единства, территориальной целостности и солидарности страны.

9. Я уже говорил, что в последнее время не произошло ничего такого, что могло бы оправдать обращение Пакистана к Совету Безопасности. В письме на имя Председателя Совета Безопасности от 16 января 1964 года (S/5517)¹ говорится, что в княжестве Джамму и Кашмир возникла опасная ситуация, являющаяся прямым следствием незаконных мер, по-прежнему принимаемых правительством Индии для ликвидации особого статуса княжества Джамму и Кашмир, что эти меры являются частью индийского плана аннексии Джамму и Кашмир и что правительство Индии решило игнорировать решения Совета Безопасности и осуществить слияние Джамму и Кашмира с Индийским союзом. Эта жалоба — не нова. Аналогичная была выдвинута Пакистаном в июне 1949 года² вслед за решением Учредительного собрания Индии зарезервировать четыре места в индийском парламенте для представителей Джамму и Кашмира. Тогда Комиссия Организации Объединенных Наций для Индии и Пакистана отказалась предпринимать какие-либо действия по этому вопросу, исходя из того, что против этой акции правительства Индии трудно возражать на за-

конных основаниях. Каждый раз, когда осуществлялись какие-либо изменения, Пакистан выдвигал аналогичные жалобы. В отношении данной жалобы уместно отметить, что она уже была изложена Совету Безопасности постоянным представителем Пакистана в письме от 9 октября 1963 года³. 13 ноября 1963 года Индия ответила на это письмо⁴. Постоянный представитель Пакистана 5 января 1964 года направил Совету еще одно письмо, в котором были изложены аналогичные жалобы⁵. С того времени не произошло ничего нового, что могло бы оправдать требование, содержащееся в письме министра иностранных дел Пакистана от 16 января 1964 года, о немедленном созыве Совета Безопасности для рассмотрения серьезной ситуации, возникшей в княжестве Джамму и Кашмир.

10. Позвольте мне остановиться на выдвинутом против нас Пакистаном обвинении в том, что мы пытаемся «включить» Кашмир в Индийский союз или «интегрировать» его с ним. Нет никакого сомнения в том, что, когда правитель Кашмира издал Акт о присоединении к Индии, а лорд Маунтбэттен, в то время генерал-губернатор Индии, утвердил этот Акт, юридически и конституционно весь Кашмир стал неотъемлемой частью Индийского союза. Необходимо рассмотреть политическое и конституционное положение, существовавшее на индийском субконтиненте накануне независимости. Соединенное Королевство пользовалось полным суверенитетом над Британской Индией. Там было более 500 княжеств, которые были полунезависимыми и управлялись Соединенным Королевством на основании доктрины, известной под названием сюзеренитета. Эта доктрина означала, что король Англии и император Индии был сюзереном по отношению к этим князьям, и за эту вассальную верность король-император обеспечивал им свою защиту.

11. Когда английский парламент в 1947 году принял Акт о независимости Индии, власть Англии в Британской Индии была передана народу Индии, и Англия также прекратила действие сюзеренитета, оставив на усмотрение принцев достижение соглашения с правительством Индии или Пакистана. В это же время был произведен раздел Индии, и часть страны откололась, образовав Пакистан. Однако нынешнее правительство Индии является преемником правительства Соединенного Королевства. Пакистан был заново созданным государством. Предусматривалось также, что все княжества могут присоединиться либо к Индии, либо к Пакистану. Законом не предусматривалось, что Акт о присоединении может носить условный характер. Как только присоединение признавалось генерал-губернатором Индии или Пакистана,

¹ См. *Официальные отчеты Совета Безопасности, девятнадцатый год, Дополнение за январь, февраль и март 1964 года.*

² Там же, *четвертый год, Специальное дополнение № 7, документ S/1430/Add.1, приложение 52.*

³ Там же, *восемнадцатый год, Дополнение за октябрь, ноябрь и декабрь 1963 года, документ S/5437.*

⁴ Там же, документ S/5454.

⁵ Там же, *девятнадцатый год, Дополнение за январь, февраль и март 1964 года, документ S/5504.*

данное княжество становилось неотъемлемой частью одного из двух доминионов. Важно отметить, что опрос населения княжеств законом не предусматривался. В нем не было также каких-либо положений относительно того, что решение о присоединении подлежит одобрению путем выяснения пожеланий населения присоединяющегося княжества. Оставляя вопрос о Джамму и Кашмире на минуту в стороне, я хочу отметить, что несколько княжеств присоединилось, согласно этому закону, к Индии или Пакистану. Ни Индия, ни Пакистан никогда не утверждали, что присоединение этих княжеств является в какой-то степени неокончательным или что требуются какие-либо действия, чтобы сделать его окончательным. Только в случае с Джамму и Кашмиром Пакистан проявил такое достойное похвалы рвение в священном деле борьбы за демократию и самоопределение.

12. Следует помнить, что раздел Индии был ограничен лишь Британской Индией и что при установлении границ вопрос о мусульманском большинстве принимался в расчет лишь применительно к Британской Индии. По поводу религиозного состава населения княжеств вопрос вообще не возникал. Вопрос о том, должно ли данное княжество присоединиться к Индии или Пакистану, был оставлен на усмотрение правителя княжества. Пакистан часто выдвигал довод, что княжество Джамму и Кашмир в силу его значительного мусульманского большинства, а также в силу того, что Пакистан возник как мусульманское государство, должно естественно быть частью Пакистана. Это — целиком и полностью ошибочное толкование юридической и конституционной проблемы.

13. Английское правительство ясно заявило, что раздел касается только Британской Индии и что этот принцип не должен применяться к таким княжествам, как Кашмир и сотни других, которыми управляли индийские принцы. Я хочу привести выдержку из заявления английского правительства от 3 июня 1947 года, в котором говорится:

«Правительство Его Величества желает разъяснить, что вышеозначенное решение» — то-есть относящееся к разделу, — «касается лишь Британской Индии и что его политика в отношении индийских княжеств, изложенная в меморандуме правительственной миссии от 12 мая 1946 года, остается неизменной».

В меморандуме правительственной миссии, помимо прочего, говорится:

«...Правительство Его Величества прекращает осуществлять полномочия по суверенитету. Это означает, что права княжеств, вытекающие из их отношений с Коронай, перестают существовать и что все права, предоставленные княжествами суверенной власти, возвращаются княжествам. Политические соглашения между княжествами, с одной сторо-

ны, и Британской Коронай и Британской Индией, — с другой, таким образом аннулируются. Вместо этого княжества должны вступить либо в федеральные отношения с правительством-правопреемником или правительствами-правопреемниками в Британской Индии, либо — в случае, если это не удастся, — в соответствующие политические отношения с ним или с ними».

Положение о присоединении содержалось в Акте об управлении Индией 1935 года в том виде, в каком оно было изложено в Акте о независимости Индии 1947 года:

«Индийское княжество считается присоединившимся к доминиону, если генерал-губернатор выразил свое согласие на Акт о присоединении, изданный правителем этого княжества...»

Таковы законы английского парламента, на основании которых были созданы доминионы Индия и Пакистан. Ни одно из этих положений не может оспариваться, по крайней мере Индией, Пакистаном или Соединенным Королевством, являющимися участниками этого соглашения.

14. Решение о том, выгодно ли княжеству быть частью того или иного доминиона с учетом всех факторов — фактора географической близости, фактора коммуникаций, фактора экономических связей и прочих — оставлялось полностью на усмотрение правителя Джамму и Кашмира. Вопрос о религии не возникал вообще. Историческим фактом является то, что хотя вопрос о религиозных общинах вырос, к сожалению, до значительных размеров в Британской Индии и служил основой, на которой строила свою политику Мусульманская лига, население княжеств, и в частности Кашмира, хотя и страдавшее от многих других бедствий и недостатков, не испытывало катастрофических последствий религиозной ненависти или нетерпимости.

15. Поэтому совершенно безосновательным является утверждение о том, что присоединение Джамму и Кашмира не является полным и окончательным ввиду того, что народ этого княжества не был опрошен или что ему не была предоставлена возможность выбора. Ясно, что международное право не требует, чтобы договор, заключенный главой какого-либо государства в условиях взаимного соглашения договаривающихся сторон, договор, который во всех отношениях является законным и обязательным, передавался на утверждение народа до вступления в силу. Несомненно и то, что Пакистан признавал правительство и магараджу Кашмира, и я не думаю, что Пакистан может это оспаривать. Именно с этим правительством Пакистан заключил «соглашение о статус-кво» на основе обмена телеграммами от 12 и 16 августа 1947 года⁶. Тогда правительство Пакиста-

⁶ Там же, четвертый год, Специальное дополнение № 7, документ S/1430/Add.1, приложение 43, пункт 4.

на не сомневалось, что правительство магараджи может выражать волю народа; оно также не ставило под сомнение законность этого соглашения. Таким образом, становится ясно, что международное право не требует, чтобы участник какого-либо соглашения заглядывал за спину признанного правительства, с которым он договаривается, чтобы выяснить, предшествовал ли опрос населения заключению соглашения. На самом же деле, и я скажу об этом позднее, решение о присоединении было также поддержано крупнейшей политической партией Кашмира.

16. Я вкратце остановлюсь на последовавших за этим событиях в Джамму и Кашмире, чтобы установить, затронули ли они в какой-либо степени юридические и конституционные положения. Я надеюсь убедить Совет, что они ни в малейшей степени их не затронули. Джамму и Кашмир стал неотъемлемой частью Индии после того, как Акт о присоединении был подписан и утвержден; с того времени по сегодняшней день его позиция в отношении Индийского союза остается неизменной, и не может возникнуть вопроса относительно аннексии Кашмира или мер по дальнейшему слиянию его с Индийским союзом. Нельзя сделать более полным то, что уже является полным.

17. Уважаемый министр иностранных дел Пакистана не сказал ничего нового относительно юридического аспекта присоединения Джамму и Кашмира к Индии. Он повторил обычную смесь искажений, обошел молчанием вещественные факты и отказался признать ясные положения Акта о независимости Индии. Мне не хотелось бы останавливаться на деталях вопроса, которым мы занимаемся, так как он хорошо известен Совету Безопасности. Последний раз они были подробно изложены в 1962 году. Я удовлетворюсь тем, что привлеку внимание к его наиболее важным аспектам.

18. В отличие от большинства правителей, присоединившихся к Индии или к Пакистану до 15 августа 1947 года, правитель Кашмира в то время не пришел к какому-либо окончательному решению. В то время, когда еще не было принято решение о присоединении, он захотел заключить соглашение о статус-кво как с Индией, так и с Пакистаном в отношении коммуникаций, снабжения и почтово-телеграфной связи, которые всегда были взаимосвязаны с Британской Индией. Пакистан заключил соглашение о статус-кво, однако еще до того, как соглашение о статус-кво с Индией было заключено, начались вторжения горных племен. Несмотря на соглашения о статус-кво, Пакистан перерезал коммуникации и прекратил снабжение предметами первой необходимости, оказывая тем самым давление на Кашмир. Когда это не принесло результатов, началось вооруженное вторжение пакистанских граждан и горцев. Обращения правителя княжества к Пакистану ни к чему не привели. Налетчики произвели

разрушения в различных частях Кашмира. Войска кашмирского княжества не смогли оказать эффективного сопротивления столь крупным силам налетчиков. События развивались с большой быстротой и угроза долине Кашмира приняла острый характер. Будучи не в состоянии предотвратить совершаемые налетчиками массовые убийства, грабежи и поджоги, правитель княжества обратился к правительству Индии с просьбой разрешить княжеству Джамму и Кашмир присоединиться к Индийскому доминиону.

19. Правительство Индии одновременно получило призыв о помощи от Национальной конференции, которая была крупнейшей народной политической организацией в Кашмире и которая боролась за права народа и вела агитацию за освобождение Кашмира от гнета магараджи. Конференция поддержала также просьбу о присоединении княжества к Индии. Позвольте мне обратить внимание Совета на заявление шейха Абдуллы, который в то время возглавлял Национальную конференцию и в адрес которого мы слышали столь высокие похвалы со стороны уважаемого министра иностранных дел Пакистана. Вот что заявил шейх Абдулла:

«Когда вторгшиеся племена быстро продвигались к Сринагару, мы понимали, что спасти княжество от полного уничтожения можно лишь обратившись за помощью к дружественному нам соседу. Поэтому представители Национальной конференции вылетели в Дели, чтобы просить помощи у правительства Индии. Однако отсутствие каких-либо конституционных связей между нашим княжеством и Индией сделало невозможным оказание Индией сколько-нибудь эффективной помощи в борьбе с агрессором... Но теперь, поскольку сами представители народа хотели какого-то союза, правительство Индии выразило готовность пойти на это. С юридической точки зрения Акт о присоединении должен был быть подписан правителем княжества. Магараджа сделал это»⁷.

К такому выводу пришел шейх Абдулла. Надеюсь, что Пакистан согласится с этим выводом как в отношении опроса народа Кашмира, так и в отношении того факта, что Индия не оказывала какого-либо давления на Кашмир для того, чтобы он к ней присоединился.

20. Как я уже говорил, генерал-губернатор лорд Маунтбэттен утвердил Акт о присоединении. В ответ на письмо премьер-министра Индии от 22 декабря 1947 года, содержащее просьбу к Пакистану не оказывать налетчикам помощи или содействия и не продолжать эту борьбу, премьер-министр Пакистана заявил 30 декабря 1947 года:

⁷ Там же, двенадцатый год, Дополнение за январь, февраль, март 1957 года, документ S/PV.762/Add.1, приложение VI.

«Что же касается обвинений в том, что правительство Пакистана оказывает налетчикам помощь и содействие, то мы их категорически отвергаем. Напротив... правительство Пакистана по-прежнему прилагает все усилия, за исключением военных действий, чтобы остановить действия племен».

1 января 1948 года мы обратились к Совету Безопасности и в нашем письме, датированном этим же числом, заявили:

«Такая ситуация ныне существует между Индией и Пакистаном вследствие помощи, которую захватчики, состоящие из граждан Пакистана и племен территорий, непосредственно примыкающих к Пакистану на северо-западе, получают от Пакистана на ведение операций против Джамму и Кашмира... Правительство Индии просит Совет Безопасности потребовать от Пакистана немедленно прекратить оказание этой помощи, ибо она представляет собой акт агрессии против Индии»⁸.

21. Исключительно важным фактом, о котором часто забывают, поскольку прошло слишком много времени, является то, что истцами в Совете Безопасности были мы и именно мы выдвинули жалобу на агрессию Пакистана. 15 января 1948 года министр иностранных дел Пакистана вновь решительно опроверг сообщения о том, что правительство Пакистана оказывало налетчикам помощь и содействие или совершало какой-либо акт агрессии против Индии. По заявлению министра иностранных дел, его правительство напротив по-прежнему предпринимало все усилия, чтобы остановить действия племен любыми средствами, за исключением войны. Он заявил, что утверждения индийского правительства о том, что правительство Пакистана оказывало помощь и содействие отрядам племен или о том, что эти силы пользовались базами на территории Пакистана или прошли подготовку в пакистанской армии, совершенно не подтвердились. Пакистан никогда не утверждал, что Индия не имеет права находиться в Кашмире.

22. Тот факт, что Пакистан опроверг свою причастность к вторжению племен, является наиболее важным и значительным аспектом всего кашмирского спора. Важно, что на этом этапе Пакистан не пытался оправдать свое присутствие в Кашмире или претендовать на какое-то право там находиться. Пакистану, несомненно, известно, что его присутствие в Кашмире противоречит международному праву и что Пакистан полностью отдавал себе отчет в незаконности этой акции. Именно поэтому Пакистан не мог признать свое присутствие в Кашмире и именно поэтому он категорически опроверг сообщения о своем присутствии в нем. Между прочим, только что приведенные мною факты

⁸ Там же, третий год, Дополнение за ноябрь 1948 года, документ S/1100, приложение 28.

ясно показывают, что выдвигаемые ныне доводы, что Пакистан вступил в Кашмир для поддержки движения за освобождение, несомненно, являются надуманными и предназначенными для того, чтобы представить фальшивое моральное оправдание его вторжению в Кашмир. Сделанные после этого Пакистаном признания, на которых я сейчас остановлюсь, неоспоримо показывают, что это было не простой двусмысленностью, это было умышленной ложью.

23. В своем ответе на жалобу правительства Индии от 1 января 1948 года Пакистан 15 января выразил сомнение по поводу законности присоединения Джамму и Кашмира к Индии, заявив, что решение о присоединении было получено в результате подлога и насилия. Закон предусматривает, что если не установлен факт применения подлога и насилия, то решение о присоединении не теряет силы и является совершенно законным и обязательным. В отношении подлога и насилия следует отметить, что лорд Маунтбаттен от имени правительства заявил магарадже Кашмира, что тот может присоединиться к Пакистану, если того пожелает, и это не будет расцениваться как недружественный акт. Признанным фактом является также то, что в Кашмир не было направлено ни одного индийского солдата для борьбы с налетчиками до решения о присоединении. Если вообще говорить о насилии в отношении княжества Джамму и Кашмир и магараджи, то оно было совершено Пакистаном. Правительство Джамму и Кашмира был вынужден присоединиться к Индии не потому, что Индия прибегла к насилию, а потому, что насилие было совершено Пакистаном; вот почему, каким бы странным это ни казалось, подлог и насилие, на которые жаловался Пакистан, были совершены не Индией, а им самим. Не требуется глубоких юридических познаний, чтобы понять, что какая-либо из сторон не может ставить под сомнение или лишать силы законность договора, выдвигая в качестве довода свои собственные незаконные действия.

24. Министр иностранных дел Пакистана заявляет, что Индия получила подпись правителя под Актом о присоединении в тот момент, когда народ Джамму и Кашмира поднял восстание против этого правителя и положил конец его власти в княжестве. Это — полное и предельное искажение фактов. Именно банды племен и граждане Пакистана с помощью и по указаниям пакистанского правительства вторглись с огнем и мечом в Кашмир, судьба которого вызывает ныне столь глубокую озабоченность Пакистана, именно они вынудили правителя обратиться к Индии в час крайней опасности. Давайте еще раз вернемся к шейху Абдулле, показания которого имеют огромное значение, поскольку это — показания свидетеля, говорящего о происходивших в то время событиях:

«Когда население Сринагара впервые увидело самолеты из Индии и проходящие по улицам города танки индийской армии, их ра-

зочарование и печаль уступили чувству радости и счастья. Население Сринагара — мусульмане, индусы и сикхи — вздохнуло с облегчением, зная, что их честь и достоинство могут быть теперь защищены. Мы не должны забывать об этом времени».

Министр иностранных дел Пакистана также говорил о том, что деспот-магараджа подписал Акт о присоединении. Разве все правители княжеств, присоединившихся к Пакистану, являются образцом демократических достоинств?

25. Когда Комиссия Организации Объединенных Наций для Индии и Пакистана посетила Карачи в июле 1948 года, Пакистан больше не мог утверждать, что он не имел отношения к тому, что касается вторжения племен, и сэр Мохаммед Зафрулла Хан сообщил Комиссии, что с мая 1948 года три бригады регулярной пакистанской армии ведут бои на территории Кашмира.

26. Именно в этом контексте следует понимать резолюции Комиссии от 13 августа 1948 года⁹ и 5 января 1949 года¹⁰, с которыми мы согласились, и это единственные две резолюции, не считая резолюции от 17 января 1948 года¹¹, которые были нами признаны. В основе этих резолюций лежит тот факт, что присутствие Пакистана в различных частях Джамму и Кашмира является незаконным и что Пакистан обязан вывести свои войска и прекратить агрессию против Индии. Это следует из формулировок пункта 1 части II раздела А резолюции от 13 августа:

«Поскольку наличие пакистанских войск на территории княжества Джамму и Кашмир в значительной степени меняет ситуацию, изложенную правительством Пакистана Совету Безопасности, правительство Пакистана соглашается вывести свои войска из вышеуказанного государства».

Возможность проведения плебисцита в Кашмире могла возникнуть лишь при условии, что Пакистан выполнит это важное положение. Совет Безопасности не мог, естественно, предложить Индии провести плебисцит, пока совершенный Пакистаном явно незаконный акт и преднамеренное нарушение международного права не будут исправлены. Совет Безопасности не мог проявить сочувствия неприкрытой агрессии, совершенной одной страной против другой.

27. Часто забывают, что, когда Пакистан обращается к Совету Безопасности, он делает это как агрессор, не прекративший своей агрессии. Я утверждаю, что Пакистан виновен в проявлении крайнего неуважения к столь высокому

⁹ Там же, документ S/1100, пункт 75.

¹⁰ Там же, четвертый год, Дополнение за январь 1949 года, документ S/1196, пункт 15.

¹¹ Там же, третий год, № 1—15 (229-е заседание), стр. 60.

органу и что он не имеет права на то, чтобы его выслушали, пока не исправит свою вину. Он не только не исправил свою вину и не только пытается оправдать свою агрессию, но еще и хочет бросить вызов юридической законности решения о присоединении, которое было принято Комиссией Организации Объединенных Наций для Индии и Пакистана, решения, на основе которого присутствие Пакистана в Кашмире считается незаконным и противоречащим международному праву. Память у людей настолько коротка, что я иногда удивляюсь, как Пакистану удается меняться ролями с Индией в Совете Безопасности. Он приходит с невинным видом оскорбленной стороны и выдвигает против нас обвинения, как будто агрессором были мы. На протяжении всей истории спора о Кашмире, который во всех отношениях чрезмерно затянулся, Пакистан был агрессором. Даже сегодня он виновен в продолжении агрессии и, по моему мнению, у него нет никаких оснований выдвигать какие-либо жалобы на то, что Индия делает в неотъемлемой части своей страны.

28. Говорят, что, несмотря на решение о присоединении, некоторые высокопоставленные индийские руководители дали заверения в том, что пожелания населения Джамму и Кашмира относительно вхождения этого княжества в состав Индии будут выяснены. Эти заверения, которые министр иностранных дел Пакистана привел в хронологическом порядке в своем выступлении, всегда ставились в зависимость от прекращения агрессии Пакистана и его ухода из Кашмира в качестве предварительного условия. В письме генерал-губернатора Индии лорда Маунтбаттена от 27 октября 1947 года — отдельном послании правителю княжества, не являющемся частью Акта о присоединении, — говорится:

«...мое правительство желает, чтобы, как только будут восстановлены в Кашмире законность и порядок и его территория очищена от захватчиков, вопрос о присоединении княжества был урегулирован посредством народного референдума».

Я подчеркиваю слова «как только будут восстановлены в Кашмире законность и порядок и его территория очищена от захватчиков». Даже сейчас, шестнадцать лет спустя, территория Кашмира не очищена от захватчиков, которые по-прежнему незаконно удерживают две пятых территории этого княжества. Каждый раз, когда представители правительства Индии, премьер-министр или кто-либо другой говорят об определении воли народа, эти замечания всегда делаются в контексте нашего требования о том, чтобы Пакистан ушел из Кашмира.

29. Плебисцит является лишь механизмом для определения воли народа. Он не является чем-то священным. Существуют и другие столь же эффективные методы. Правительство Великобритании за последние 20 лет передало власть значительному числу своих колоний, однако оно никогда не задумывалось над тем, чтобы

выяснить чаяния народов этих колоний путем проведения плебисцита. В самой Индии не проводился плебисцит, чтобы определить, хочет ли свобода население индийского субконтинента, или определить, желает ли раздела большинство мусульман, проживающих в этой стране. Соединенное Королевство пришло к выводу, что независимость должна быть предоставлена, и страна должна быть разделена, поскольку оно удостоверилось, что Индийский национальный конгресс, с одной стороны, и Мусульманская лига, с другой, отражают желание народа по этим двум вопросам. В Джамму и Кашмире партия Национальная конференция представляла подавляющее большинство населения этого княжества и, как я уже указывал, она полностью поддерживала решение о присоединении Джамму и Кашмира к Индии.

30. Мы признали две резолюции Совета Безопасности, а именно резолюции от 13 августа 1948 года и от 5 января 1949 года. В этих резолюциях предусматривались мероприятия, которые должны были следовать одно за другим. Резолюция относительно плебисцита, а именно резолюция от 5 января 1949 года, была дополнением к части III резолюции от 13 августа 1948 года и ее развитием, причем она подлежала осуществлению в случае, если будет выполнена эта часть. Это было похоже на эскиз и чертеж архитектора, и резолюция от 5 января 1949 года могла быть осуществлена лишь в том случае, если бы резолюция от 13 августа 1948 года была полностью выполнена.

31. Возможность проведения плебисцита была предусмотрена, поскольку в то время в Кашмире не проводилось выборов. После этого в Кашмире три раза состоялись выборы на основе всеобщего избирательного права для взрослых, и на всех этих трех выборах избирались представители партии, которая твердо и категорически выступает за слияние Кашмира с Индией. Последние выборы в 1962 году проводились согласно избирательному закону Индии, и за их ходом следила индийская комиссия по выборам. Мы сами три раза провели всеобщие выборы. Даже наши злейшие враги не говорили, что эти выборы фальсифицированы или что они не были тайными и свободными. Именно ящик для бюллетеней определил, кто должен быть избран, причем выборы были настолько свободными, что в ходе всеобщих выборов в одном из штатов к власти пришли представители партии, бывшей в оппозиции к Индийскому национальному конгрессу, то есть партии большинства в Индии. Поэтому, если и было необходимо выяснить пожелания народа Кашмира, то они были выяснены не один и не два, а три раза. Министр иностранных дел Пакистана широко пользовался выдержками из различных газет относительно характера выборов в Кашмире. Позвольте мне обратиться к той же газете, которую он цитировал. Речь идет о газете «Гардиан»:

«Выборы в Джамму — это настоящая большая победа Национальной конференции.

Выборы в Кашмире закончились. В Джамму Национальной конференции пришлось вести трудную борьбу с партией Хинду Праджа Паришад. Оппозиция выставила своих кандидатов на все места, кроме пяти. После напряженной предвыборной кампании и выборной горячки, подобную которой можно было наблюдать лишь в наиболее развитых районах Индии, Национальная конференция выиграла две трети мест»...

Министр иностранных дел Пакистана упоминал, что тридцать два кандидата были избраны без всякой оппозиции на выборах в 1962 году, однако он решил не говорить о том, что за остальные 39 мест велась ожесточенная борьба.

32. Постоянное обыгрывание Пакистаном вопроса о проведении плебисцита в Джамму и Кашмире вызвано его неверием в демократические принципы. По моему мнению, демократия, подобно благотворительности, начинается с собственного дома и перед тем, как проповедовать нам, как нам следует выяснять пожелания народа в одной из частей нашей страны, Пакистану следовало бы прежде всего приступить к учреждению демократических институтов у себя дома. Мне едва ли нужно говорить, что со времени своего существования Пакистан никогда не верил своему народу настолько, чтобы позволить ему принять участие во всеобщих и прямых выборах с целью создания законодательного и парламентского органов. Как известно министру иностранных дел, его собственный президент неоднократно заявлял, что народ Пакистана не подготовлен для осуществления таких демократических прав и что после семнадцати лет независимости народ Пакистана по-прежнему обучают начальной демократии, которая, само собой разумеется, представляет собой весьма относительную форму демократии. Подлинная причина, скрывающаяся за настойчивыми требованиями о проведении плебисцита, заключается в том, чтобы попытаться возбудить общинные страсти в Кашмире, заставив население этого княжества поверить в то, что его религия находится в опасности, и возобновить ужасные события времен раздела Индии в 1947 году — кровопролитие, переселение огромных масс людей, невероятные страдания населения.

33. Таким образом, подводя итоги, я хочу заявить, что наша позиция в отношении Джамму и Кашмира ясна и недвусмысленна. Две резолюции Совета Безопасности, касающиеся проблемы плебисцита, были поставлены в зависимость от прекращения Пакистаном его агрессии, и это условие выполнено не было. Фактически это больше, чем условие. Это — краеугольный камень, на котором были основаны эти две резолюции и, поскольку указанное условие не было выполнено, а основа исчезла, эти резолюции не являются больше для нас обязательными. Во всяком случае с течением времени и

под действием различных факторов, на что я обращаю внимание позднее, они устарели. Мы не можем хладнокровно относиться к угрозе целостности нашей страны и опасности, угрожающей дорогому для нас принципу светского государства, а эта опасность возникнет, если мы проведем в Кашмире плебисцит. Я хочу ясно заявить от имени моего правительства, что мы не можем ни при каких обстоятельствах согласиться на проведение плебисцита в Кашмире.

34. Позвольте мне остановиться на выдвигаемом Пакистаном обвинении в том, что моя страна предпринимает так называемые попытки к дальнейшему «слиянию» Кашмира с Индией. Прежде всего, поскольку Джамму и Кашмир является неотъемлемой частью Индии, наши действия были направлены на урегулирование отношений с входящим в Индийский союз княжеством. Это равносильно взаимоотношениям между конгрессом Соединенных Штатов Америки и одним из его пятидесяти объединенных в федерацию штатов. Таким образом, Пакистан поднимает вопрос о чисто внутреннем деле, которое касается только Индии и в которое Пакистан не имеет права вмешиваться и которое, согласно положениям Устава, было определено изъято из юрисдикции Организации Объединенных Наций.

35. Но даже в этом случае давайте разберемся, что же мы сделали такого, что вызвало негодование Пакистана и что привело его с такой поспешностью в Совет. Я хотел бы отметить, что часть XXI нашей конституции содержит положение в отношении княжества Джамму и Кашмир. В этой части есть и другие статьи, относящиеся к другим штатам Индийского союза, таким, как Андхра-Прадеш, Пенджаб и Махараштра. Предусматривается, что эти положения, в свою очередь, являются лишь временными и переходными. Их действие будет продолжаться, пока существует необходимость в их применении. Когда эта необходимость исчезнет, эти положения будут сняты и положения конституции, распространяющиеся на все штаты, распространятся также на те штаты, в отношении которых в этой части существуют особые положения. Следует отметить, что полномочия центрального правительства подвергаются постоянным изменениям или расширяются в рамках конституции, и таким образом изменяются отношения между центральным правительством и административными единицами, входящими в Союз. Эти изменения, происходящие через различные промежутки времени, представляют собой часть более широкого процесса органического роста Индийского союза. Что же касается предусматриваемых изменений, которые лежат в основе письма Пакистана от 16 января 1964 года (S/5517), то это лишь замена титула главы штата «садар-и-риасат» титулом «губернатора» и соответственно «премьер-министра» — «главным министром». Это лишь изменение терминологии.

36. Другое предложение, которое было обжаловано, заключается в том, что представители княжества Джамму и Кашмир в индийском парламенте должны будут избираться непосредственно народом Кашмира, а не назначаться по рекомендации Законодательного собрания Кашмира, как это делалось до сих пор. Что же в этом плохого? Казалось бы, Пакистан с его разрекламированным сочувствием в отношении права на самоопределение кашмирцев должен был бы положительно отнестись к тому, что представители кашмирцев в индийском парламенте будут избираться на основе прямых выборов.

37. Еще одно возражение касается определенных поправок, преследующих цель ввести более прогрессивное трудовое законодательство. Индия является членом Международной организации труда, и она признала ряд конвенций МОТ. Индийское трудовое законодательство отвечает требованиям этих конвенций. В течение долгого времени потребности в таком трудовом законодательстве в Кашмире не существовало, поскольку в Кашмире едва ли существовали организованные в союзы фабрично-заводские рабочие. Сейчас, когда там обнаружены некоторые полезные ископаемые и стала развиваться горнодобывающая промышленность, стало необходимым ввести современное трудовое законодательство в целях предотвращения злоупотреблений. Мы обязаны выполнять положения конвенций МОТ, и не можем игнорировать наши обязательства в отношении какой-либо части нашей территории. Какие могут быть также возражения против того, что правительство Индии совместно с правительством княжества издает законы, касающиеся медицинской и других профессий, если Законодательное собрание княжества соглашается на это изменение и на то имеется официальная просьба должным образом избранного правительства Джамму и Кашмира? Мы считаем, что единая всеиндийская система медицинской и других служб послужит делу прогресса, повысит эффективность и улучшит координацию профессиональных стандартов в различных частях Индии. Таким образом, все эти изменения направлены на благо народа Кашмира. Они не представляют собой нарушения каких-либо прав человека. Премьер-министр Индии совершенно правильно использовал выражение «постепенная отмена статьи 370», поскольку по своему характеру статья 370 является временной и должна исчезнуть, постепенно отходя на задний план.

38. В своем выступлении министр иностранных дел Пакистана коснулся также новых мероприятий по интеграции княжества, упомянув «присвоение функций по наблюдению за мостами и автомобильными дорогами, телеграфом, телефоном, сбором подоходного налога, радиовещанием и таможней, подчинение департамента финансов княжества генеральному ревизору Индии, отмену таможенных барьеров и системы

разрешений на въезд в княжество и выезд из него, подчинение его экономических планов плановой комиссии Индии, распространение полномочий верховного суда Индии на Кашмир, присвоение президентом Индии полномочий в отношении издания законов в Джамму и Кашмире на основании исполнительного декрета — все это помимо прочего,— я все еще цитирую министра иностранных дел Пакистана,— представляет собой звенья цепи, брошенной на Джамму и Кашмир» (1087-е заседание, пункт 59). Это является самым чудовищным искажением того, что мы сделали в Кашмире.

39. Неужели Пакистан рассчитывает на то, что, пока он по-прежнему осуществляет агрессию, мы будем сидеть сложа руки и ничего не делать для улучшения судьбы народа Кашмира? Все предпринятые нами меры, упоминавшиеся представителем Пакистана, содействовали улучшению условий в Кашмире и модернизации этого княжества. Посмотрите, как выражается представитель Пакистана: «подчинение департамента финансов княжества генеральному ревизору Индии». Разве плохо, что ревизия финансов княжества осуществляется независимым официальным лицом, таким, как генеральный ревизор Индии. Может быть, Пакистан хочет, чтобы люди, ответственные за финансы Кашмира, выбрасывали народные деньги на ветер? Отмена таможенных ограничений и системы разрешений на въезд в Кашмир и выезд из него, несомненно, содействует развитию торговли и устраняет ненужные задержки при транспортировке грузов между Кашмиром и другими частями Индии. В Индии существует плановая комиссия, которая занимается планированием экономического развития страны. Планы готовятся после всестороннего обсуждения и дискуссий на различных уровнях.

40. Мы хотим, чтобы Кашмир участвовал в этих экономических процессах, являющихся современным методом обеспечения планомерного экономического развития, приносящего пользу всему населению нашей страны. В самом деле, удивительно, что выдвигаются возражения против того, что было названо навязыванием полномочий верховного суда Индии Кашмиру. Верховный суд является высшим судом в нашей стране и, согласно положениям нашей конституции, является защитником основных прав граждан Индии. Юрисдикция верховного суда была распространена на Кашмир именно в целях обеспечения основных прав народа Кашмира. Президент Индии не издает законов, если в них нет необходимости и если не соблюдены условия для их издания. Наш президент не диктатор. Он является конституционным главой государства и может действовать лишь по совету правительства Индии, которое в свою очередь отчитывается перед парламентом. Говорить о подобных изменениях в Кашмире как о «звеньях в цепи, брошенной на Джамму и Кашмир»,— значит неправильно применять слова и, я бы даже сказал, умышленно исказить

их смысл. Пусть Пакистан говорит, что хочет. Это не заставит правительство Индии отказаться от выполнения его обязательств перед народом Кашмира.

41. Министр иностранных дел Пакистана, зачарованный собственным энтузиазмом в связи с делом, в защиту которого он выступает, согласился с заявлением, приписываемым шейху Абдулле о том, что «миллионы рупий индийской казны в основном использовались, чтобы развратить кашмирский народ, умертвить саму его душу...» (1087-е заседание, пункт 31). Давайте же посмотрим, как мы разлагали народ Кашмира и убивали его душу. Доходы княжества Джамму и Кашмир в 1947 году составили 5,5 миллиона долларов. В 1959—1960 годах они составляли 23,5 миллиона долларов. Доход на душу населения в 1950—1951 годах равнялся 38 долларам, а в 1959—1960 годах он повысился до 48 долларов. Годовое производство продовольствия до 1951 года составляло 300 тысяч тонн, а в 1961 году — 500 тысяч тонн. До 1951 года выработка электроэнергии была на уровне 4360 киловатт в год, а в 1961 году — 16 тысяч киловатт. В 1947—1948 годах там было 44 фабрики, а в 1961 году — 138. До 1961 года в Кашмире на 100 квадратных миль территории было 2,5 мили дорог, а в 1961 году эта цифра возросла до 40 миль. Это имеет особое значение. До 1961 года страну, которую, по словам министра иностранных дел Пакистана, от внешнего мира отделяла «железная стена», посетило 27 207 туристов; в 1961 году их было уже около 71 тысячи. Количество учащихся в начальных школах до 1957 года составляло 65 тысяч, а в 1961 году — 197 тысяч. В 1947—1948 годах в Кашмире было 52 неполных средних и средних школы, а в 1961 году их количество возросло до 262. До 1947 года грамотность среди населения в Кашмире не превышала 6,6 процента, а в 1961 году достигла 12 процентов. Количество больниц и медпунктов в 1947—1948 году составляло 89, в 1961 году — 349. Средняя продолжительность жизни до 1951 года равнялась 32 годам; к 1961 году она возросла до 47 лет. Вот она, печальная картина страны, находящейся, как заявил министр иностранных дел Пакистана, «под колониальным гнетом Индии».

42. Я хочу остановиться теперь на том, что в своем письме от 16 января 1964 года Пакистан попытался установить необоснованную и злонамеренную связь между этими изменениями в конституционных отношениях Индии с одним из входящих в ее состав княжеств и кражей священной реликвии из храма Хазратбал. Утверждается, что это святотатство явилось той искрой, которая всколыхнула чувство крайнего недовольства и негодования, нараставшего в Кашмире в результате политики, проводимой Индией, и которое сейчас бурно проявляется народом Джамму и Кашмира в отношении недавних индийских мероприятий, направленных на «слияние» этой части княжества с Индийским союзом; что со времени кражи святой

реликвии мусульманское население Джамму и Кашмира дало выход своему гневу, устраивая массовые демонстрации на протяжении более десяти дней, и что сотни тысяч мусульман день за днем участвовали в похоронных процессиях, проходивших по улицам Сринагара. Следует отметить, что в этих демонстрациях, как нам заявляют, участвовало только мусульманское население Джамму и Кашмира и больше никто. Несомненно, обращает на себя внимание то обстоятельство, что Пакистан пытается придать религиозный характер инцидентам в Кашмире. Для Пакистана все дело в религиозных общинах. Он рассматривает все события только через призму религии. Он не понимает, как могут индусы и мусульмане жить в мире в Кашмире и сохранять самые хорошие отношения. Согласно его философии, по самой своей природе мусульмане должны ненавидеть индусов, а индусы — мусульман.

43. Когда была похищена священная реликвия, Пакистан ожидал, что в Кашмире возникнут религиозно-общинные бунты. Он не только рассчитывал на это, но и сделал все от него зависящее, чтобы их вызвать, что видно из заявлений, помещаемых в печати, а также из воззваний пакистанских руководителей. Президент Айюб Хан, выступая в Суккуре 4 января 1964 года, заявил, что «кража священной реликвии является преднамеренным политическим заговором, с тем чтобы совершить еще больше зверств над мусульманами в оккупированном Кашмире... Ни один мусульманин, каким бы грешным он ни был, не мог даже подумать, чтобы совершить такое святотатство». Таким образом, по мнению г-на Айюб Хана, мусульманин не мог совершить это подлое преступление, и было очевидно, что это преступление являлось частью политического заговора; и это он утверждал, не имея никаких доказательств. Как видно, это заявление указывает на то, что кража реликвии в Кашмире определенно была совершена индусом, чтобы побудить кашмирских мусульман выступить против индусов.

44. Я хочу привести выдержку из одной хорошо известной стокгольмской газеты. В номере «Свенска дагбладет» от 30 декабря 1963 года говорилось:

«Трудно поверить, чтобы кража волоса Мохамеда, вызвавшая такие беспорядки в Кашмире, была совершена индусами, хотя, естественно, в индусских кругах тоже есть фанатики. Более вероятно, что это действие было совершено пакистанским агентом, возможно одним из патанов, которые за последние годы вербовались различными агентствами на пакистанской территории для участия в запланированной «войне за освобождение Алжира» на индийской стороне... Это также служит интересам китайцев. Оборонительные сооружения Индии в Ладаке полностью зависят от связи со Сринагаром и долиной. Единственная дорога из Ладака ведет прямо

вниз к Сринагару и как таковая она имеет огромное стратегическое значение».

45. Цитируя корреспонденцию Ричарда Критчфильда, министр иностранных дел Пакистана г-н Бхутто для своего удобства опустил из него важный абзац. Вот что говорится дальше в сообщении, не полностью процитированном г-ном Бхутто: «Тем временем министр иностранных дел Пакистана г-н Бхутто призвал кашмирцев поднять восстание против правительства, контролируемого Индией». И после этого этот министр иностранных дел приходит сюда с призывами к миру. Я повторяю, министр иностранных дел г-н Бхутто призывал кашмирцев поднять восстание против правительства, контролируемого Индией.

46. Согласен ли министр иностранных дел с тем, что его заявление процитировали правильно? В газете «Экономист» от 4 января 1964 года, на которую также ссылался г-н Бхутто, говорится:

«Министр иностранных дел Пакистана г-н З. А. Бхутто обвинил индийские «оккупационные власти» в том, что они организовали эту кражу, видимо, для того, чтобы подвергнуть террору «угнетенных» мусульман с тем, чтобы они бросили свои дома. Мягко говоря, это едва ли вероятное обвинение, однако дело не в том, что оно едва ли вероятно, а в том, что такое обвинение было выдвинуто».

Таким образом, «Экономист» понимает это дело так, будто министр иностранных дел г-н Бхутто выдвигает обвинение в том, что эта кража была организована с целью подвергнуть террору угнетенных мусульман. Его идея заключалась в том, чтобы в Кашмире возникли беспорядки и чтобы чувства населения Кашмира, а в особенности чувства мусульман, были воспламенены, а также чтобы они подняли восстание против индусов.

47. Однако, к несчастью для Пакистана, имеются неопровержимые факты, подтверждающие, что во время демонстрации населения Кашмира, выражавшего свой протест в связи с кражей реликвии, сохранялось полное религиозное единство. Индусы и сикхи присоединились к своим мусульманским братьям, оплакивающим эту утрату. Для индусов и сикхов это была не мусульманская реликвия, а реликвия, принадлежащая Кашмиру и даже всей Индии. В Индии уважают религиозные чувства других. Индусы чтут мусульманских святых и наоборот. Все мы участвуем в празднествах различных общин. Чтобы понять это явление, необходимо современное, светское, рациональное мировоззрение.

48. Еще одним важным фактом этих демонстраций является то, что они не только не были направлены против правительства Индии, а, наоборот, продемонстрировали полное доверие к политике, проводимой моим правительством,

и, более того, участники демонстраций попросили правительство Союза, чтобы именно оно, а не местные власти, расследовало это преступление и привлекло виновных к ответственности. Именно в ответ на обращение народа Кашмира правительство Индии направило в Сринагар высокопоставленных чиновников, чтобы расследовать это дело и найти реликвию. Действия моего правительства были успешными: реликвия была найдена и возвращена на место. Согласно сообщению из Сринагара от 3 февраля, помещенному в газете «Нью-Йорк таймс» 4 февраля 1964 года:

«Комитет мусульманских руководителей установил сегодня, что волос, находящийся ныне в мечети недалеко отсюда, является именно тем, который исчез 26 декабря».

49. Согласно полученным мною последним сообщениям, 3 февраля в Хазратбале был устроен специальный «дидар» — выставка священной реликвии. Несколько руководящих религиозных деятелей, большинство из которых было назначено Комитетом действий, о котором упоминал министр иностранных дел Пакистана, видели священную реликвию и в присутствии большого количества людей мечети удостоверили ее подлинность. Среди тех, кто удостоверил подлинность реликвии, был Маулана Масуди, о котором упоминал в своем заявлении министр иностранных дел Пакистана. Расследование в настоящее время завершается, и обвиняемые скоро предстанут перед судом. Демонстрации действительно были направлены против местной администрации. Однако в демократической стране у народа, бесспорно, есть право выражать свое недовольство правительством. Подобного рода демонстрации случаются и в обществе с более высоким уровнем развития. У народа в демократической стране есть неотъемлемое право не только проявлять недоверие к своему правительству, но и смещать его и избирать новое правительство.

50. Сказанное мной о характере демонстрации в Сринагаре в достаточной мере подтверждается показаниями иностранных корреспондентов, которые были свидетелями того, что произошло. Так, хорошо известная английская газета «Гардиан», на которую ссылался г-н Бхутто, писала 6 января 1964 года следующее:

«Вчера на улицах Сринагара начались песни и танцы после того, как правительство объявило о том, что реликвия была найдена. Гнев и негодование внезапно уступили место радости».

Газета «Нью-Йорк таймс» 24 января 1964 года поместила нижеследующее сообщение своего корреспондента Томаса Ф. Брэди:

«Недовольство кашмирцев местным правительством, но не индийским национальным правительством, нашло выражение в протестах и беспорядках, вызванных кражей...

Значительное мусульманское большинство, видимо, не проявило вражды по отношению к индусскому меньшинству... Судя по всему, поджоги и грабежи, последовавшие за исчезновением реликвии, были направлены против обширных деловых интересов бывшего премьер-министра княжества Бакши Гулам Мохаммеда и его брата Бакши Рашида, являвшегося его правой рукой в вопросах политики. Оба они — мусульмане».

Я нахожусь здесь не для того, чтобы защищать г-на Бакши или его брата. Смысл приведенной мной цитаты заключается в том, что демонстрации были направлены против местной администрации, а не против правительства Индии. 5 января 1964 года «Нью-Йорк таймс» сообщила:

«Здесь существует также мнение, что волос был украден пропакистанскими элементами в попытке дискредитировать проиндийское правительство Кашмира».

51. Министр иностранных дел привел здесь мнение одного из индийских обозревателей, изложенное 8 января в газете «Хиндустан таймс». Этот обозреватель явно не настроен дружелюбно ни к правительству Бакши Гулам Мохаммеда, ни даже к его преемнику — нынешнему правительству. В свободной стране, где существует свобода печати, каждый имеет право выражать свое мнение. Однако, отдавая должное этому обозревателю, я должен зачитать два абзаца из той же статьи, которые по понятным причинам г-н Бхутто опустил:

«Следует отметить поразительный факт, что горечь и негодование народа Кашмира не нашли своего выражения в общинных беспорядках или антииндийских настроениях. Народ не обратился к пропакистанским элементам в поисках руководства. Он сам потребовал, чтобы Индия вмешалась для проведения расследования этого святотатства, наказания виновных и обеспечения того, чтобы Кашмир не подпал вновь под господство Бакши».

Народ Кашмира ясно изложил свои требования, и он имеет право надеяться на эффективную и честную администрацию, которая учитывала бы его нужды и чаяния. Он возложил свои надежды на Индию, сделав то, что он считает правильным. Можем ли мы позволить себе вновь предать его?»

52. Во всех приведенных мною выдержках подчеркивается, что народ Кашмира выражает доверие Индии, что он хочет, чтобы Индия вмешалась и что он недоволен действиями местной администрации.

53. Когда Пакистану не удалось осуществить свои злостные намерения и создать беспорядки в Кашмире, он обратил свое внимание на Восточный Пакистан, и в Кхулне и Джессоре начались серьезные беспорядки, в ходе которых

местные мусульмане напали на представителей индусского меньшинства. В этих районах имели место ужасные случаи грабежей, поджогов и убийств. Многие люди из числа напуганного этими событиями меньшинства двинулись по направлению к Индии, граница с которой проходит поблизости. Странно, что в то время как в самом Кашмире значительное мусульманское большинство не подозревало индусов в причастности к краже реликвии, в полутора тысячах миль отсюда мусульмане Восточного Пакистана устраивали демонстрации против индусов и обвиняли индусскую общину в Кашмире в действиях, направленных против мусульман. Позвольте мне процитировать сообщение Жака Неварда, помещенное в «Нью-Йорк таймс» от 19 января 1964 года:

«Немногие здесь — «здесь» означает Восточный Пакистан, где имели место эти беспорядки, — верят поддерживаемой правительством версии о том, что беспорядки в Восточном Пакистане были вызваны происшедшим три недели назад исчезновением волоса, приписываемого пророку Мохаммеду.

Официально одобренные демонстрации протеста в связи с кражей реликвии вышли из-под контроля в районах Кхулны и Джессора в Восточном Пакистане, в результате чего имели место антииндусские волнения».

Я обращаю внимание Совета на слова «официально одобренные».

54. Беспорядки, происшедшие в Калькутте, явились отзвуком инцидентов в Кхулне. Беженцы из Восточного Пакистана принесли с собой в Калькутту страшные известия о том, что произошло с их братьями по религии по другую сторону границы. Страсти индусов в Калькутте распались и произошли достойные сожаления инциденты, в ходе которых несколько мусульман было убито и несколько домов, в которых жили мусульмане, было сожжено.

55. По случайному совпадению я сам находился в Калькутте четыре дня в то время, когда происходили эти беспорядки. Я был там с официальной миссией в качестве министра образования и стал свидетелем того, что было предпринято правительством Западной Бенгалии для прекращения этих беспорядков. Я восхищен решительными мерами, предпринятыми главным министром Западной Бенгалии. Он немедленно вызвал войска и ввел чрезвычайное положение в городе. Наш министр внутренних дел г-н Нанда также прибыл в Калькутту, и были предприняты дальнейшие меры. Было арестовано около 5 тысяч хулиганов и был создан комитет граждан для содействия восстановлению мира и порядка. Были также даны заверения, что владельцам домов не будет дозволено извлекать какую-либо выгоду из того, что мусульманские дома были разрушены, и что, насколько возможно, мусульманам будет предоставлена возможность вернуться в те же места, где

они первоначально проживали. Я был гостем губернатора Западной Бенгалии г-жи Падмаджи Найду, выдающейся дочери выдающейся матери, и я знаю, что она предоставила значительную часть правительственного здания мусульманам, потерявшим свои дома и имущество. Беспорядки в Калькутте были решительно и твердо пресечены и сейчас там царит полный мир и восстановлено нормальное положение.

56. Трагическая история религиозных беспорядков, однако, не заканчивается на этом. После этого беспорядки имели место в Дакке, Нараванганджи, Читтагонге, Барисале — все это в Восточном Пакистане — и во многих других районах Восточного Пакистана. Там разыгралась ужасная трагедия и, если верить такому значительному агентству печати, как агентство Рейтер, то было убито около тысячи индусов. Согласно нашим собственным сведениям, по всему Восточному Пакистану количество убитых намного выше; беспорядки все еще не прекратились и напряженность сохраняется. Заместитель верховного комиссара Индии в Дакке уже получил заявки на выезд приблизительно от пяти тысяч семей, то есть от более чем двухсот тысяч человек; в один из районов Ассама, а именно Гаро Хиллз, переселилось около двадцати тысяч беженцев из Восточного Пакистана. Это — официальные цифры.

57. У меня нет ни малейшего желания приводить здесь эти цифры, настолько они неприятны и мрачны, однако я считаю, что я должен представить Совету Безопасности полную картину, поскольку уважаемый министр иностранных дел Пакистана в своем заявлении в Совете пытался нарисовать одностороннюю картину происшедших событий. Я хочу ясно заявить, что независимо от того, что может произойти в Восточном Пакистане, мы не попустительствуем преступникам, убивавшим невинных людей. Для нас жизнь мусульманина имеет такую же ценность, как и жизнь индуса, потому что как индусы, так и мусульмане являются гражданами Индии. Мы осуждаем кровопролитие, грабежи и поджоги независимо от того, чем они вызваны, кто их спровоцировал и где они имели место. Мы ценим жизнь человека и ненавидим религиозные страсти или фанатизм.

58. Как заявил наш премьер-министр, будучи большим, в своем обращении к народу 23 января 1964 года:

«Мы получили печальные сообщения о событиях в Восточном Пакистане, имевших место за последние несколько дней, в ходе которых было убито много невинных мужчин, женщин и детей. Эти события не могли не потрясти нас. Я надеюсь, что наши сограждане будут сохранять спокойствие и не поддадутся провокациям в связи с этими событиями. Такая сдержанность соответствует многовековой традиции терпимости, являющейся нашим самым ценным наследием. Независимо от того, что происходит в других местах, граждане Индии

должны показать себя достойными своего наследия и выполнять свою священную обязанность жить в дружбе и проявлять добрую волю по отношению к своим согражданам, независимо от их религии или верований. Только таким путем мы можем доказать, что мы достойны нашего наследия и доверия, проявленного по отношению к нам нашим руководителем Махатмой Ганди, а также нашей преданности принципам свободы, демократии и принципам нашего светского государства».

59. Однако я должен сказать с сожалением, что Пакистан занял совершенно иную позицию. Своей политикой, своими действиями, своими заявлениями он умышленно вызывал эти беспорядки. До того как Пакистан начал проповедовать «джехад» — священную войну — и необоснованно обвинять индусов в том, что они причастны к краже священной реликвии, в обеих общинах Индии царил мир и порядок. Умышленно и с определенной целью пакистанское правительство создало атмосферу, в которой в Восточном Пакистане могли начаться беспорядки. Были убиты тысячи невинных людей. Не имеет значения, были это индусы или мусульмане. Физический акт убийства мог быть совершен индусским или мусульманским фанатиком или индусским или мусульманским хулиганом, однако правительство Пакистана не может снять с себя ответственность за гибель этих ни в чем не повинных людей. В Индии ко всем гражданам проявляется одинаковое отношение. Мы предоставляем им равные права, и хотим полной общинной гармонии. Мы с успехом осуществили это, и если бы нас оставили в покое, у нас не было бы никаких религиозных беспорядков. Но когда бы ни случались религиозные беспорядки, мы их пресекаем самым решительным образом. Пакистан же, с другой стороны, с момента своего создания строил свою политику на основе религиозной ненависти и фанатизма. Он подстрекал мусульман в Кашмире поднять восстание против Индии и постоянно проповедовал теорию, что индусы и мусульмане являются двумя различными нациями.

60. Я хотел бы рассказать об усилиях, которые мы предприняли для улучшения наших отношений, и показать также, что сделал Пакистан в ответ на это. Наш премьер-министр неоднократно обращался к Пакистану с призывом совместно выступить с «декларацией отказа от войны». Он заявлял, что обе наши страны должны урегулировать свои разногласия мирным путем и твердо постановить, что ни при каких обстоятельствах и ни по какой причине ни одна из сторон не начнет войны против другой. Это предложение было отклонено. Почему? Разве у Пакистана есть скрытые оговорки? Намеревается ли он применить в определенных обстоятельствах силу по отношению к Индии? Когда начались недавние волнения, наш президент обратился к президенту Айюб Хану с

предложением опубликовать совместное обращение к народам обеих стран с призывом к миру и согласию. Это весьма разумное предложение о совместном обращении было также отклонено, хотя в силу лишь одного того факта, что оно делается совместно двумя главами государства, оно произвело бы исключительно благоприятный психологический эффект. Затем мы предложили, чтобы министры внутренних дел Индии и Пакистана совместно посетили районы беспорядков и предложили также дальнейшие мероприятия для предотвращения подобного рода событий. В ответ нам было представлено контрпредложение, равносильное отказу.

61. Министр иностранных дел Пакистана, ссылаясь на переговоры между Индией и Пакистаном по вопросу о Кашмире, пытается утверждать, что эти переговоры потерпели неудачу из-за непреклонной позиции Индии. Позвольте мне обратиться к фактам. Накануне первого этапа переговоров в Равалпинди, в Пакистане, правительство Пакистана объявило о достигнутом в принципе соглашении относительно демаркации границы частью княжества Джамму и Кашмир, находящейся под незаконной оккупацией Пакистана, и Синьцзяном. На этом этапе мы могли бы вполне оправданно прервать переговоры, но несмотря на эту провокацию мы решили продолжать их. В марте 1963 года, когда переговоры все еще велись, г-н Бхутто отправился в Пекин и подписал это соглашение. Мы опять проявили сдержанность и продолжили переговоры, хотя это было достаточно большой провокацией. Переговоры были прерваны министром иностранных дел Пакистана г-ном Бхутто, несмотря на все наши попытки их продолжать. Это показывает, что именно Пакистан, а не мы, занял непреклонную позицию.

62. Позвольте мне противопоставить этому позицию Пакистана на следующем примере. Когда Китай напал на нас, явно совершив неспровоцированную агрессию, Пакистан вел яростную пропаганду против нас в поддержку Китая. Пакистан не только прилагал все усилия, убеждая дружественные Индии страны не оказывать ей помощи в этот час крайней опасности, но и занял ту позицию, что не Китай, а Индия виновна в совершении агрессии. Весь мир, за исключением немногих государств, видел и понял, что мы явились жертвой жестокой агрессии.

63. Министр иностранных дел выразил замечательные чувства, говоря о сохранении мира и урегулировании международных проблем путем мирных переговоров, а не путем насилия. Мы полностью разделяем эти чувства и всегда следовали им. Легко прийти в Совет Безопасности с невинным выражением лица и обращаться к мировому общественному мнению, утверждая, что Пакистан всегда занимал дружественную и миролюбивую позицию и что он никогда не

выступал с какими-либо провокациями против моей страны. Однако, если мы обратимся к фактам, мы увидим совершенно иную картину. Периодически ответственные лица в Пакистане выступают с призывами к насилию, постоянно делают заявления, что если кашмирская проблема не может быть решена мирным путем, то она должна быть решена с помощью насилия. Даже в письме министра иностранных дел от 16 января (S/5517), которое сейчас рассматривается Советом, делается весьма значительный вывод о том, что «народ Азад-Кашмира и Пакистана может, отчаявшись, обратиться к другим средствам». Какие это другие средства? Средства, не являющиеся мирными, это — насилие и кровопролитие. Мне редко приходилось наблюдать, чтобы в правительственном документе, адресованном органу, ответственному за поддержание международного мира и хороших отношений между странами, содержалась открытая угроза со стороны государства-члена прибегнуть к насилию при определенных обстоятельствах. Как же в таком случае можем мы серьезно рассматривать заявление, сделанное здесь пакистанским министром иностранных дел?

64. Я хотел бы обратить внимание на письмо, помещенное в газете «Обсервер» 17 июня 1963 года ныне покойным Джоном Стрэчи, членом парламента от лейбористской партии, который посетил как Индию, так и Пакистан в качестве члена парламентской делегации. Обращаясь к редактору «Обсервер», он писал:

«Вы жалуетесь, что Индия по-прежнему сохраняет значительную армию на границе с Пакистаном. Перед тем, как в прошлом месяце я ездил в Пакистан, мне казалось также неоправданным такое размещение Индией своих вооруженных сил, однако за неделю пребывания моих коллег в Пакистане министр пакистанского правительства открыто заявил, что кашмирский вопрос должен быть немедленно урегулирован мирными или иными средствами. Другое официальное лицо Пакистана, занимающее высокий пост, заявило нас, что если Китай вновь совершит нападение, то он и его друзья на этот раз не упустят такой благоприятной возможности и немедленно нападут на Индию. Почти все пакистанские официальные лица, с которыми мы встречались, начинали разговор с утверждения, что на Китай напала Индия».

Как известно, недавно скончавшийся г-н Джон Стрэчи был весьма уважаемым членом парламента. Он рассказал о том, что он слышал от члена пакистанского правительства и от высокопоставленных пакистанцев. Это ясно говорит о том, что Пакистан с самого начала намеревался прибегнуть к насилию в отношении нашей страны, когда это позволили бы обстоятельства.

65. В этой связи мне хотелось бы также коснуться подлинной позиции Пакистана в отно-

шении Кашмира. Анализ выступления министра иностранных дел Пакистана показывает, что в его основе лежат следующие мотивы: Индия должна решить кашмирскую проблему с Пакистаном так, как это его устраивает, а если она не сделает этого, начнутся религиозные волнения, начнутся беспорядки, может начаться кровопролитие. Таким образом, Пакистан обращается к Совету не с призывом, а с угрозой, и нам говорят, чтобы мы подчинились этой угрозе. Пакистан, к сожалению, не отдает себе отчета в том, что он превращает миллионы жизней как в Индии, так и в Пакистане лишь в пешки в политической игре.

66. Сейчас Индия, возможно, является единственной страной, которая может противостоять экспансии и агрессии Китая. Если Индия окажется не в состоянии сделать этого, ничто не сможет сдержать китайскую экспансионистскую политику. Поэтому Индия должна быть сильной не только в собственных интересах, но и в интересах мира. Мы весьма благодарны за помощь дружественных стран, однако цель ее будет сведена на нет, если Индия ослабнет во внутреннем отношении. Страна не может быть сильной в международном плане, если она не сильна во внутреннем отношении. Внутренняя сила Индии зависит от ее принципа светского государства, от жизненной необходимости в том, чтобы различные существующие в Индии общины жили в мире и согласии. Пакистан не хочет, чтобы Индия была сильной, он хочет ослабить Индию как во внешнем плане, так и во внутреннем. Об этом ясно свидетельствуют его недавние заигрывания с Китаем. В этом контексте Кашмир приобретает огромное значение. Пакистан жалуется на то, что Индия изменяет статус-кво Кашмира, и тем не менее по пограничному соглашению он передал Китаю более 2000 квадратных миль кашмирской территории. Пакистан не имеет никаких прав на эту территорию, и тем не менее он проявил щедрость за чужой счет. Если и имело место грубое нарушение статус-кво, то оно было совершено Пакистаном. Не говоря уже о том, что с юридической и конституционной точек зрения Кашмир является частью Индии и что мы не признаем теорию, согласно которой индусы и мусульмане представляют собой две нации, независимо от того, что Кашмир является символом и гарантией нашего принципа светского государства, Кашмир в настоящее время приобрел жизненно важное значение в связи с непрекращающейся угрозой со стороны Китая. Достаточно лишь взглянуть на карту Индии, чтобы убедиться в этом.

67. Министр иностранных дел Пакистана произносил хвалебные гимны в адрес шейха Абдуллы. Он говорил нам, что шейх Абдулла — это лев Кашмира, лидер кашмирских мусульман и что мы упрятали его за решетку. Короткая память — дело опасное. Позвольте мне напомнить министру иностранных дел Пакистана, что было сказано в свое время о шейхе Абдулле

его же премьер-министром г-ном Лиакат Али Ханом:

«В беседе с представителями печати в Сринагаре 10 ноября (1947 года) во время визита пандита Джавахарлала Неру шейх Абдулла, как сообщают, заметил, что референдума может и не быть. Этот предатель своего народа, в течение многих лет бывший агентом (партии) Конгресса, напустив на себя важный вид, торгует жизнью, честью и свободой кашмирских мусульман, которые гниют в тюрьмах».

Это заявление было сделано г-ном Лиакат Али Ханом 16 ноября 1947 года. Другими словами, когда это устраивает Пакистан, шейх Абдулла становится предателем своего народа, а когда нужно Пакистану, он — лев Кашмира и лидер мусульманской общины. Я не знаю, когда эта песня снова изменится. И еще раз в телеграмме от 25 ноября 1947 года на имя премьер-министра Индии премьер-министр Пакистана заявил:

«Я весьма сожалею, что вы все еще поддерживаете шейха Абдулла, который, как вам известно, является предателем и платным агентом и стремится посеять раздор среди кашмирских мусульман».

Итак, в данном случае нашего премьер-министра обвиняют в том, что он поддерживает предателя, которого не следует поддерживать.

68. Я хотел бы сказать несколько слов — и сожалею, что не могу сказать больше, поскольку вопрос находится в стадии судебного разбирательства,— по поводу процесса над шейхом Абдуллой. Мы весьма сожалеем о том, что завершение процесса затягивается, но рассмотрение его дела ведется согласно предписанной законом процедуре. Лондонская «Таймс» в сообщении после начала процесса указывала, насколько справедливым был судья и как объективно он держал чашу весов между обвинением и защитой. Министр иностранных дел правильно сказал, что на суде много свидетелей. Это неизбежно при слушании дела о заговоре. Я должен также отметить тот факт, что процесс затягивается частично вследствие того, что защита долго ведет перекрестный допрос свидетелей и иногда суд прерывает свою работу в интересах самого шейха Абдуллы. Характерной чертой этого процесса является то, что шейх Абдулла сам выбрал себе адвоката, весьма известного юриста из лондонской ассоциации адвокатов, г-на Дингла Фута, королевского советника. Это действительно открытый процесс и обвиняемый располагает всеми возможностями для защиты.

69. В своем выступлении министр иностранных дел Пакистана допустил еще одно высказывание, на котором я хотел бы остановиться. Министр иностранных дел говорил о «железной стене», которая «отделяет... Кашмир от внешнего

мира», и заявил, что Индия «отчаянно пытается скрыть то, что там происходит под плотным покровом цензуры» (1087-е заседание, пункт 16). Так вот, мы особенно горды тем, что Кашмир всегда открыт для посетителей любой страны и любой национальности. Нам нечего скрывать в Кашмире, и мы не стыдимся того, что мы там делаем. Каждый год в эти прекраснейшие места приезжают от 70 до 80 тысяч людей, среди которых много иностранных туристов.

70. Пакистан поднял большую шумиху вокруг идеи самоопределения. Он пытался апеллировать к мировому общественному мнению, заявляя, что его интерес к Кашмиру объясняется тем, что народу этого княжества отказывают в праве на самоопределение. Прежде всего, нам нужно определить, что подразумевается под частицей «само» в этом слове. Что представляет собой частица «само», которая подразумевает право на определение его судьбы: быть этому княжеству частью той или иной страны или быть независимым? Совершенно очевидно, что частица «само» в слове, выражающем этот демократический принцип, не относится и не может относиться к составной части страны. Этот принцип может стать действительным лишь в том случае, если речь пойдет о какой-либо нации в целом, а применять его можно лишь к завоеванию, иностранному господству или колониальной эксплуатации. Применение этого принципа к неотъемлемой части какой-то страны или части ее населения или предоставлении такой неотъемлемой части страны или части ее населения на этой основе возможности выйти из состава страны привело бы к катастрофическим последствиям. Принцип самоопределения не может быть использован с целью расчленения страны или ее народа. Нельзя забывать, что Соединенные Штаты вели кровопролитную гражданскую войну, чтобы не допустить выхода небольшой части территории — всего юга — из состава и создания независимого государства. Я не сомневаюсь, что подавляющее большинство населения этой части Соединенных Штатов выступало против Авраама Линкольна и его политики и хотело иметь право лишать рабов свободы; тем не менее правительство Соединенных Штатов, я считаю, правильно и на законном основании не хотело расчленения своей страны, что произошло бы, если бы отдельной ее части было предоставлено право на раскол.

71. В мире сегодня во многих странах Африки и Азии есть меньшинства с сепаратистскими намерениями. Многие из них хотели бы создать свое правительство. Нам пришлось бы переделывать карту мира, а многие государства — члены Организации Объединенных Наций оказались бы раздробленными. Население многих стран состоит из представителей различных рас, религий и культуры. Будущее мира зависит от эволюции многонациональных государств и стран в различных районах мира. Пакистанская теория — это теория реакции и мракобесия. Тезис о самоопределении, проповедуемый

Пакистаном, использовался в недавнем прошлом колонизаторами и неоконизаторами для дезорганизации молодых государств. Пакистан хотел бы перевести назад стрелки часов истории и вернуться к тем временам, когда страны допускали только одну религию и преследовали тех, кто исповедовал иную веру. Я призываю Совет не прислушиваться к утверждениям и аргументам, которые могут нанести ущерб делу мира и прогресса и привести к расчленению многих стран.

72. У Пакистана счастливый дар проповедовать то, чего он сам никогда не применял. Он хочет, чтобы мы провели плебисцит в Кашмире, даже не задумываясь над тем, чтобы провести выборы в своей стране. Он хочет, чтобы мы применили принцип самоопределения к составной части нашей страны, даже не думая о том, что происходит у него в стране. Разве Пакистан думал когда-нибудь о том, чтобы предоставить самоопределение патанам, которые хотят создать свое государство — Пуштунистан?

73. Позвольте мне сказать несколько слов по поводу обвинений, выдвигаемых Пакистаном в наш адрес, в том, что мы изгоняем индийских мусульман с нашей территории. Я опровергну эти обвинения не с помощью аргументов, а на основании трезвых статистических данных, которые невозможно оспаривать. Данные переписи населения Индии в 1961 году показывают, что численность мусульманского населения Индии за период с 1951 по 1961 год возросла на 25,6 процента, по сравнению с общим ростом населения Индии на 21,5 процента. Свидетельствует это о геноциде или о том, что мусульмане изгоняются из Индии? Факты показывают, что не только индийские мусульмане не покидают страну, а наоборот мусульмане из Пакистана в большом количестве проникают в соседние индийские штаты — Западная Бенгалия, Ассам и Трипура. Это, бесспорно, подтверждается данными переписи населения Пакистана. Эти данные показывают, что мусульманское население Восточного Пакистана выросло на 26 процентов за период 1951—1961 годов. Однако показательно, что в некоторых районах Восточного Пакистана, граничащих с Индией, рост численности населения был значительно ниже. В Ноакхали процент роста составил лишь 4,7, в Комилле — 15,4 и Бакаргандже — 16,8; в Силхете численность мусульманского населения увеличилась лишь на 13,9 процента по сравнению с общим ростом населения провинции, составившим 26 процентов. Данные переписи Индии по соседним пограничным районам индийских штатов дополняют картину. Они показывают, что мусульманское население в Трипуре возросло на 68 процентов, в Дарджилинге — на 200 процентов, в Динаджпуре — на 74 процента, в Мальде — на 62 процента, в Гаро Хиллз — на 49 процентов и в Кхаси и Джайнтиа Хиллз — на 88 процентов. Эти данные говорят сами за себя; они особенно показательны, если учесть, что общий рост численности мусульманского насе-

ления в Индии в целом составил 25,6 процента. Сравнение с данными по любому естественному росту населения показывает, что столь значительное увеличение численности населения могло быть вызвано только массовым притоком населения из Восточного Пакистана и в особенности из районов, в которых, согласно данным переписи населения Пакистана, зарегистрирован ненормально низкий прирост населения.

74. Обратимся к ситуации, существующей по другую сторону границы. После раздела, за которым последовали массовые переселения людей и убийства, Пакистану удалось освободиться практически от всех немусульман в западной части страны. В восточной части, согласно переписи 1951 года, их осталось 9 миллионов 240 тысяч. Это составило приблизительно 22,03 процента всего населения Восточного Пакистана, насчитывавшего 41 миллион 930 тысяч человек. Данные за 1961 год по пакистанским источникам, составляют соответственно 9 миллионов 380 тысяч немусульман, то есть 18,45 процента всего населения Восточного Пакистана, насчитывавшего 50 миллионов 840 тысяч человек. Следует отметить, что численность немусульманского населения сократилась за десять лет почти на 3,6 процента. Еще более удивительно, что численность индусского меньшинства в Восточном Пакистане осталась практически без изменений, несмотря на двадцатишестипроцентный рост мусульманского населения Восточного Пакистана. Если бы численность немусульманского населения росла такими же темпами, оно должно было бы увеличиться более чем на 2 миллиона 250 тысяч человек. Почему же не было такого естественного прироста населения? Ответ состоит в том, что их вытеснили за пределы страны в этот период. Это совпадает с нашими данными, которые показывают, что в Индию прибыло примерно такое же количество беженцев. Если у министра иностранных дел Пакистана есть какой-либо иной ответ, пусть он даст его. Пусть он заодно подумает о том, кто виновен в изгнании представителей меньшинств со своей территории.

75. Я хотел бы также отметить, что высылать людей из Индии можно только в соответствии с положениями закона. Прежде всего, администрация тщательно устанавливает национальность данного лица и только если расследование показывает, что это лицо не индийской национальности или у него нет необходимого разрешения на проживание или визы, ему присылают уведомление о необходимости покинуть страну. После того, как он получает такое уведомление, он имеет право обратиться в суд высшей инстанции и по получении от него взыска он может оспаривать в суде решение административного трибунала. Недавно в Ассаме и Трипуре были назначены судебные чиновники специально для установления национальности перед тем как направить уведомление о необходимости покинуть страну.

76. Я хотел бы обсудить последствия одного второстепенного вопроса, суть которого заключается в том, что в недавно созданное министерство по делам княжества Джамму и Кашмир было назначено много немусульман. Согласно обычной парламентской процедуре, премьер-министр Джамму и Кашмира имеет полное право на формирование своего правительства. В Индии не делаются назначения по религиозным соображениям. Мы действительно стараемся следить за тем, чтобы по возможности все части Индии и все крупные общины были представлены в правительстве, и это является принципом федеральной системы, известной федеральным правительствам. Следует воздать должное Кашмиру за то, что его правительство действительно отражает единство между общинами, существующее в княжестве Джамму и Кашмир.

77. Упоминание министром иностранных дел Пакистана того факта, что премьер-министр Шамсуддин уволил должностных лиц правительства княжества, не соответствует действительности. Решение об увольнении было принято не на том основании, которое было приведено министром иностранных дел, а в связи с кампанией за повышение эффективности и по борьбе с коррупцией. Уволены были не все указанные должностные лица, многие из них вышли в отставку. Среди этих должностных лиц было шестьдесят индусов и сикхов. Попытки придать этому делу религиозную окраску лишены какого-либо основания.

78. Прежде чем закончить мое выступление, я хотел бы остановиться на некоторых замечаниях, сделанных министром иностранных дел Пакистана в его письме Совету Безопасности от 16 января 1964 года (S/5517) и в его недавнем выступлении. Министр иностранных дел пожаловался, что заявление министра внутренних дел Индии г-на Нанды на сессии Индийского национального конгресса было подстрекательским по своему характеру. Мы располагаем полным текстом заявления г-на Нанды, сделанного на языке хинди. Я не вижу, чтобы в этом выступлении г-н Нанда заявил что-либо отдаленно похожее на попытку разжечь религиозные чувства. Напротив, г-н Нанда заявил:

«Если что-нибудь происходит там», — то есть в Пакистане, — «то мы не должны позволить, чтобы что-нибудь произошло здесь», — то есть в Индии, — «и в случае возникновения каких-либо беспорядков следует принять строгие меры и немедленно восстановить нормальное положение».

По-видимому, министр иностранных дел Пакистана положился на ошибочный английский перевод выступления г-на Нанды. Между прочим, г-н Нанда сыграл весьма положительную роль в организации в Калькутте совместных индусско-мусульманских отрядов по примирению и восстановлению мира; это наряду со строгими

мерами в отношении возбудителей беспорядков — вплоть до того, что полиция и солдаты стреляли по ним, — помогло в течение двух-трех дней восстановить нормальное положение в Калькутте, население которой, следует напомнить, насчитывает 6 миллионов человек. Трудно представить, чтобы перед Индийским национальным конгрессом, который всегда боролся за единство религиозных общин и с трибуны которого говорил г-н Нанда, какой-либо министр, не говоря уже о министре внутренних дел, выступал с подстрекательскими речами.

79. В своем выступлении министр иностранных дел Пакистана заявил, что ответ президента Индии на письмо президента Айюб Хана не был конструктивным. Что может быть более конструктивным и искренним, чем последний абзац письма нашего президента от 16 января 1964 года, которое было разослано членам Совета Безопасности (S/5522)¹². Я хотел бы также упомянуть заявление, сделанное нашим президентом 26 января по случаю Дня Республики, и выдержанное в таком же духе, и процитировать это письмо:

«В нашей демократической стране последователи любой религии имеют право жить честно и в согласии по нормам закона; жизнь и свобода каждого гражданина, независимо от его касты или вероисповедания, священна для всех остальных. Любой отход от этих принципов не только не оправдан морально, но и опасен политически; это ослабляет наше внутреннее единство в то время, когда внешняя опасность для нашей страны не уменьшилась. Правительство должно предпринимать и будет предпринимать все меры, необходимые для пресечения антиобщественного поведения, но тем не менее сотрудничество населения не менее важно для сохранения мира и порядка, ибо мир — это основа, на которой мы можем строить наше будущее».

80. С другой стороны, в письме президента Пакистана содержались серьезные обвинения в адрес Индии. В ответе нашего президента пришлось обратить внимание на эти неточности, чтобы представить дело в правильной перспективе. Ясно, однако, что послание нашего президента было сердечным и конструктивным, представляло собой попытку урегулировать весьма неотложную, стоящую перед обеими странами проблему восстановления согласия между религиозными общинами.

81. Министр иностранных дел Пакистана квалифицировал присутствие Индии в Кашмире как проявление колониализма. Я глубоко сожалею, что он позволил себе выдвинуть столь оскорбительное обвинение в адрес моей страны. Он либо не знаком, либо делает вид, что не знаком с историей Индии за последние пятьдесят лет. Он, видимо, забыл, что именно героическая

¹² Там же, девятнадцатый год, Дополнение за январь, февраль и март 1964 года.

борьба Индии под руководством Махатмы Ганди против колониализма, долгая борьба с самой могущественной в истории империей принесла свободу Индии и его собственной стране. Он не может не знать, что борьба Индии против колониализма оказала огромное воздействие на освободительное движение в Азии и Африке и что она вдохновляла и продолжает вдохновлять участников этого движения во всем мире. Нам доставляет огромное удовлетворение сознавать, что это подтверждается молодыми государствами Азии и Африки. Министр иностранных дел Пакистана совершенно игнорирует неустанную борьбу, проводимую Индией в Организации Объединенных Наций в поддержку освободительного движения в Азии и Африке за все шестнадцать лет ее независимого существования в качестве государства — основателя Организации Объединенных Наций. Клеветать на эту страну, называть ее колониальной — значит проявлять верх предубежденности. Только Пакистан может позволить себе инсинуировать, что нынешние руководители и прежде всего премьер-министр Джавахарлал Неру, который большую часть своей жизни отдал делу борьбы за свободу не только своей страны, но и Азии и Африки, может проводить политику колониализма.

82. Дело в том, что Кашмир с незапамятных времен является частью Индии, хранилищем индийской культуры и цивилизации. Он вместе с Индией пережил все превратности судьбы, выпавшие на ее долю. Кашмир был частью империи Ашоки и Акбара. Столица Кашмира, Сринагар, была основана в третьем веке до новой эры великим императором Ашокой. Кашмирцы — это плоть от нашей плоти, наши кровные братья, а Джамму и Кашмир, как один из шестнадцати штатов Индийского союза и его жители как граждане Индии пользуются свободой, существующей в Индии. Говорить, что Кашмир страдает под колониальным гнетом Индии, — значит клеветать на кашмирцев и оскорблять кашмирцев, являющихся индийцами и всегда бывших ими. Пакистану пора заглянуть в свою совесть и в свою душу и задать себе вопрос, на каком основании он занимает две пятых территории Кашмира. Чем же еще это может быть, как не колониальным захватом!

83. Часто говорят, и мне кажется, что министр иностранных дел Пакистана тоже заявил, что единственным предметом разногласий между Индией и Пакистаном является Кашмир и что, если проблема Кашмира будет решена к удовлетворению Пакистана, между нашими странами будут установлены дружба и полное сотрудничество. Я позволю себе придерживаться иной точки зрения. Как я указывал раньше, трудно понять философию, на которой основана политика Пакистана. В каждом аспекте его внешней политики проявляется антииндийская направленность. Одно время ответственные пакистанские руководители говорили нам, что наша политика в отношении Кашмира толкает их в

объятия Китая, однако поскольку Китаю не понравилось такое объяснение дружественного отношения Пакистана к Китаю, они переменили тон и заявили, что, если даже проблема Кашмира будет решена, Пакистан будет по-прежнему поддерживать Китай. Другими словами, нынешнее враждебное отношение Пакистана к Индии объясняется не только кашмирской проблемой, но и какими-то более глубокими соображениями.

84. Пакистан подобным же образом относится и к религиозным бунтам. Выдвигается аргумент, будто бунты прекратятся как по волшебству, если проблема Кашмира будет решена. Однако и в этом случае нет связи между Кашмиром и бунтами. Бунты вызваны политикой Пакистана по отношению к религиозным общинам и разжиганием религиозных страстей, в чем повинен Пакистан и в поддержку чего я привел достаточно доказательств в ходе моего выступления.

85. Мне не хотелось отнимать столько времени у Совета Безопасности, однако я был вынужден опровергнуть многочисленные обвинения, выдвинутые в наш адрес министром иностранных дел Пакистана. Повторение в Совете Безопасности взаимных упреков и придинок ни к чему не приведет. Если бы это было полезным, нас бы не было сегодня здесь после стольких лет. Я был вынужден восстановить истину перед лицом тяжких и необоснованных обвинений, которые были выдвинуты Пакистаном в наш адрес. Я хотел бы заверить вас, г-н Председатель, и членов Совета Безопасности, что, несмотря на провокации, мы будем продолжать предпринимать усилия, направленные на улучшение наших отношений с Пакистаном, о характере которых приходится сожалеть. Мы хотим, чтобы наши отношения строились не на взаимных обвинениях, а на основе дружбы, сотрудничества и взаимного уважения. Я хотел бы заявить категорически от имени правительства и народа Индии, что мы желаем Пакистану благополучия и процветания в качестве свободного и суверенного государства и хотим, чтобы наши отношения были отношениями двух дружественных соседних стран, основанными на равенстве, признании территориальной целостности и суверенитета.

86. Меня могут спросить, какие меры следовало бы предпринять, чтобы изменить нынешнюю достойную сожаления ситуацию и улучшить отношения между Индией и Пакистаном. У меня нет никакого сомнения в том, что народы обеих стран хотят жить в дружбе друг с другом. Шестнадцать лет назад они жили в одной и той же стране. У них общие традиции и общее прошлое, и даже в наши дни граждане Пакистана и Индии поддерживают добрые отношения и связи. Если бы только правительство Пакистана сделало правильный шаг и отказалось от занимаемой им в настоящее время позиции, мое правительство встретило бы его более чем

на полпути. По достоинству оценивая значение резолюций, я хотел бы отметить, что одно принятие резолюций не дает результатов. Это может лишь ухудшить отношения. Никакая резолюция, как бы хорошо она ни была сформулирована, не удовлетворит обе стороны. Необходимо действовать и необходимо помнить, что в первую очередь надо делать первоочередные дела.

87. Таким образом, в первую очередь, следует восстановить нормальные условия в охваченных беспорядками районах Индии и Пакистана и добиться единства и согласия между религиозными общинами в обеих странах. В этих целях мы готовы предпринять любые меры совместно с Пакистаном. Мое правительство приветствовало бы встречу представителей обеих стран на уровне министров для обсуждения путей достижения их целей. Мы должны обеспечить, чтобы недавно имевшие место позорные инциденты больше никогда не повторялись. Это — позор для любого цивилизованного правительства. Во-вторых, угрозы применить насилие, исходящие периодически от Пакистана, как я указывал, должны быть прекращены. Пусть Пакистан безоговорочно заявит совместно с Индией, что обе страны никогда не прибегнут к войне и урегулируют все свои разногласия мирным путем. В этой связи мы приветствуем обращение, с которым недавно выступил Председатель Хрущев, и, как известно, наш премьер-

министр горячо одобрил этот призыв к мирному урегулированию территориальных споров. Президент Джонсон тоже в принципе приветствовал отказ от применения силы. Как только установится более благоприятная атмосфера, станет возможным — и мы готовы к этому — обсудить с Пакистаном все наши нерешенные вопросы. Мы верим в пользу обсуждения и дискуссий, мы верим в урегулирование разногласий за столом переговоров и мы приветствовали бы Пакистан, если бы он сел с нами за стол переговоров и урегулировал наши разногласия. Я убедительно прошу Пакистан помнить, что мы стремимся к тому, чтобы наши две страны, образующие индийский субконтинент, поддерживали дружественные и сердечные отношения. От этого зависит будущее благосостояние и процветание наших народов.

88. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): В моем списке больше нет желающих выступить на сегодняшнем вечернем заседании. Проконсультировавшись неофициально с членами Совета, я хотел бы предложить, чтобы следующее заседание Совета состоялось в пятницу, 7 февраля, в 15 часов. Если нет возражений, я считаю, что Совет согласен с этим предложением. Предложение принимается.

Предложение принимается.

Заседание закрывается в 17 час. 50 мин.

**КАК ПОЛУЧИТЬ ИЗДАНИЯ
ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ**

Издания Организации Объединенных Наций можно купить в книжных магазинах и агентствах во всех районах мира. Наводите справки об изданиях в вашем книжном магазине или пишите по адресу: Организация Объединенных Наций, Секция по продаже изданий, Нью-Йорк или Женева.

HOW TO OBTAIN UNITED NATIONS PUBLICATIONS

United Nations publications may be obtained from bookstores and distributors throughout the world. Consult your bookstore or write to: United Nations, Sales Section, New York or Geneva.